

ПИСЬМО А. Я. ПОЛОНСКОГО К ДРУГУ (О ВОРОБЬЕВКЕ)

Публикуемое письмо старшего сына Я. П. Полонского Александра с описанием Воробьевки было передано в дар Литературному музею в 1996 году Натальей Николаевной Фоянковой, которая использовала цитаты из него в своей превосходной, исчерпывающей статье «Фет, его усадьба Воробьевка и семья Полонских».¹ Передала она также автобиографию А. Я. Полонского (1927).

Как сообщает Н. Н. Фоянкова в сопроводительной записке, А. Я. Полонский был дружен с ее отцом (в те годы студентом Петербургского университета) Николаем Александровичем Колоколовым (1870–1927), которого приглашал к себе домой на Знаменскую, 26, иногда на знаменитые пятницы Полонского и с которым переписывался до конца жизни Н. А. Колоколова.

Александр Полонский с юных лет интересовался поэзией, сам пробовал себя в стихотворстве и был восторженным почитателем Фета, с которым познакомился в первые месяцы (не позднее 17 марта) 1889 года, когда поэт, в дни своего пребывания в Петербурге, посетил Полонских в их квартире на Знаменской, в частности присутствовал 17 марта на пятнице Полонского.

Лето 1890 года — с 9 июня до середины августа — вся семья Полонских гостила у Фета в Воробьевке, после чего между Фетом и Алек-

---

¹ Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 49–63. Далее — *Фоянкова*, с указанием страницы.

сандром Яковлевичем завязалась переписка, продолжавшаяся больше года.²

А. Я. Полонский был приятелем Бориса Никольского (его имя и стихи фигурируют в переписке), под редакцией и со статьей которого в 1901 году вышло трехтомное собрание стихотворений Фета, дважды переизданное — в 1910 и в 1912 годах.

Хотя Н. Н. Фоякова использовала отрывки из настоящего письма для описания Воробьевки, его ценность от этого не уменьшилась, ибо для исследовательницы оно играло служебную роль как один из дополнительных источников сведений об имении Фета и являлось «своего рода комментарием к живописным этюдам Полонского-отца, позволяющим представить в ранее неизвестных подробностях „обитель Фета“, образ его жизни и окружающую обстановку».³

Напечатанное же целиком, воспринятое как самодостаточный текст, письмо приобретает особый вес и с документальной точки зрения, и в качестве характеристики написавшего его лица.

Оно содержит ценнейшие сведения об усадьбе и имении Фета: описание не только дома, но и одноэтажного флигеля, где поселилась семья Полонских, с «высокими, чистыми, оклеенными заново» комнатами; вида из окон, с одной стороны — «неважного», на хозяйственные постройки (скотный двор и т. п.), с другой — к дому, во двор, «заросший яркой зеленью», где расположены кухня, «огромный» сарай, «очень чисто содержащаяся» конюшня; окрестностей с разбросанными деревнями, «бедными, серыми, какими-то скучными»; характера местности, «высокой, неровной», с обрывами; климата и природы, с темно-зеленой окраской громадных деревьев и «ярко-черной» землей, «безобразно горячим солнцем» и «мрачной в дурную погоду»; окружающих деревень, сельскохозяйственных работ, фруктового сада, парка, «господствующего над окружающей местностью», с прекрасным видом на Коренную пустынь, населяющих его птиц, и в конце — очень коротко — о времяпрепровождении и гостях.

Главная особенность письма и его достоинство — сочетание протокольной точности, почти фотографичности, с сиюминутностью и эмоциональной окрашенностью, оживляющими предельно детализированные описания усадьбы и придающими им увлекательность. Письмо

---

² Опубликована Г. Л. Медынцева и З. В. Гротской: Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским // Новые материалы по истории русской литературы: Сборник научных трудов (Гос. Лит. музей). М., 1994. С. 49–91.

³ Фоякова. С. 55.

А. Я. Полонский.
Фотография. Сер. 1880-х гг. (ИРЛИ)

представляет собой своеобразный поток сознания, изливаемый автором на адресата. С поразительной скрупулезностью описывая усадьбу, не упуская ни одной мелочи, А. Полонский перемежает повествование своими впечатлениями и фиксирует все, что попадает в поле его зрения в данный момент. Письмо одновременно фотографично и импрессионистично. Что касается хода изложения, то в нем заключен — сознательно или невольно — некий скрытый замысел. А. Полонский медленно, шаг за шагом, подводит к самому главному — дому, саду и парку, предварительно обрисовав все вокруг. Это готовый сценарий для документального фильма. Несмотря на некоторую стилистическую корявость, автору не откажешь в «прозорливости поэтического взгляда», свойственной его отцу.

О своих родных, самом хозяине и других персонажах он упоминает лишь вскользь, сосредотачивая все внимание на усадьбе, ставя себе за-

дачей максимально полно воссоздать на бумаге обитель великого поэта. Видел или нет в этом А. Полонский свою миссию или просто излагал наблюдения и изливал чувства, пытаясь облечь их в литературную форму, письмо его оказалось бесценным документом для потомков, особенно для будущего восстановления имения Фета.

Человек, оставивший после себя такой документ, вполне заслуживает нашего внимания и интереса к его жизни, не говоря о том, что он сын ближайшего друга Фета.

Не будем слишком строги к стилю: автор письма — 22-летний студент.

Письмо А. Полонского, опубликованная переписка его с Фетом, хранящиеся в фондах ГЛМ письма к отцу, переписка с матерью и автобиография позволяют составить целостное представление о нем и его судьбе.

Замечательный психологический портрет своего сына набросала Жозефина Полонская в письме к нему от 18 января 1901 года: «У тебя в характере много общего с отцом, та же мнительность и та же способность киснуть и хандрить, но его спасал талант, ты же, к сожалению, не признаешь в себе способности, а если они у тебя в чем-нибудь прорываются, то ты их тщательно заглушаешь и не даешь им развиваться. Отец не мог жить без общества и без людей, они его наталкивали на разные мысли и давали ему пищу и материал для его таланта. В тебе это желание видеть людей также сильно развито, но ты боишься общества и избегаешь его из-за какого-то ложного самолюбия, считая себя недостаточно умным или талантливым, а поэтому ты подвергаешь себя и свои устремления какой-то преждевременной критике и тут же охлаждаешь себя. Ты, по-моему, слишком строг к себе и к своим способностям, которых у тебя немало, но ты не находишь в себе и в окружающих твоих поддержки. Поэтому ты гибнешь и хандришь, а характера у тебя не хватает, чтобы поставить себе какую-нибудь цель в жизни, для того чтобы добиться ее. Без цели в жизни нет того подъема духа, а без этого подъема жизнь кажется бесцветною и тогда человек впадает под влияние своих телесных недугов, которых он не чувствует, пока он поглощен всецело любимым делом.

Твой отец верил в твои критические способности и мечтал увидеть в тебе достойного критика, но ты, кажется, свои способности применяешь только на себя».⁴

---

⁴ ГЛМ. Ф. 148. Цит. по нашей публикации: Переписка А. А. Фета с А. Я. Полонским. С. 62–63.

Ж. А. Полонская. Фотография С. Д. Боткина.
Тихий Хутор, 1890 г. (ИРЛИ)

В известной степени сын внял увещаниям матери и проявил в дальнейшем упорство и целеустремленность, хотя и не на литературном поприще.

Дошедшие до нас письма и автобиография рисуют человека очень достойного, честного, самокритичного, наделенного неординарными способностями, литературно образованного, исполнительного, самоотверженно выполнявшего свой служебный и жизненный долг.

Вот коротко основные факты его жизни, подробно и педантично изложенные им в автобиографии, направленной в Хамовническую страховую кассу для назначения пенсии.

Александр Яковлевич Полонский (1868–1934), старший сын поэта Якова Петровича Полонского, в 1893 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. «В детские и студенческие годы соприкасался с литературными корифеями того времени». Некоторое время увлекался медициной и после окончания университета собирался поступить на медицинский факультет (лето 1893 года занимался при амбулатории в селе Вороново Подольского уезда), чему решительно воспротивился отец. В 1894 году слушал в Париже лекции по гуманитарным наукам в Сорбонне и в Collège de France. Однако, как

он объясняет сам, по состоянию здоровья был вынужден отказаться от научной карьеры и несколько лет работал в Министерстве финансов в Петербурге. С 1898 по 1922 служил податным инспектором сначала в г. Короче Курской губернии, потом (с 1903) — в Москве, где прослужил около 18 лет. Интересовался вопросами экономической статистики и печатал в курской прессе статьи экономического характера. После революции занимался также учебно-воспитательной работой в детских колониях и принимал участие в просветительской работе (лекции рабочим и низшим служащим). В 1898 А. Полонский вступил в гражданский брак с крестьянкой Корочанского уезда, на руках которой было трое детей (собственных детей тоже было трое). После окончания Японской войны «участвовал в собраниях и на митингах, подготовивших революцию 1905 года». В 1914–1915 году занимался снабжением одеждой, бельем и обувью раненых, как русских, так немцев и австрийцев. Осенью 1917 года принимал активное участие в организации и проведении Первого Всероссийского съезда податных инспекторов и их помощников.

Помимо того что автобиография А. Я. Полонского содержит важные сведения об авторе публикуемого письма, это интереснейший документ эпохи, отразивший типичную судьбу и поведение русского интеллигента после революции. Например, там есть такое признание: «Приветствуя Февральскую революцию, к Октябрьской я отнесся недоверчиво. Я полагал, что жертвы революционного террора не будут оправданы, что резкости военного коммунизма не вызываются необходимостью и причиняют населению зло, что идея коммунизма, в ее чистом виде, прекрасна лишь в теории и, вводимая принудительно, не уменьшит человеческого горя и страдания. Я не мог уловить и понять, что дерзкая воля отдельных лиц совпадала на этот раз с ходом исторического процесса. Тем не менее, видя, что дело строительства новой России так или иначе подвигается, что во главе его стоят люди искренние и идейно настроенные, я не считал для себя возможным отказываться от участия в этом строительстве». И весьма характерный конец: «Мое положительное отношение к Советской власти в настоящее время вполне определилось. Я знаю, что идет созидательная, на благо народным массам, работа, что надвигается новая эра в жизни человечества, что совершается исторический перелом».

В течение шести с половиной лет А. Полонский «подбирал и систематизировал» литературные материалы, оставшиеся после смерти отца. В 1922 году он подготовил к печати большой сборник стихотворений Я. П. Полонского, «не вошедших в прежние издания», с библиографическим очерком, который так и не был издан.

Дети Я. П. и Ж. А. Полонских.

Слева направо: Александр, Наталья и Борис Полонские.
Фотография А. Ясвоина. Петербург, кон. 1870-х — нач. 1880-х гг. (ИРЛИ)

Сборник со статьей был принят Госиздатом, но впоследствии от их напечатания издательство отказалось, сочтя, что издание себя не окупит, и вернуло рукопись. Эту рукопись и другие материалы А. Полонский собирался приобщить к материалам, хранящимся в Пушкинском Доме.

Будучи в пору знакомства с Фетом студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, Александр Полонский оказывал ему услуги в работе над переводами античных авторов, так как римская литература входила в учебную программу и он сам пытался переводить римских классиков. Фет даже выражал надежду в письме к Я. П. Полонскому от 16 ноября 1890 года, что Александр продолжит его «популярный труд классических переводов».⁵ В книжных

---

⁵ Фет/Полонский. С. 851.

фондах Литературного музея хранится экземпляр перевода Плавта с дарственной надписью Фета: «Любезному и дорогому филологу Александру Яковлевичу Полонскому на память переводчик».

14 июня 90 года.

Воробьевка.

Шпаковский, вчера я получил твое письмо. Очень благодарен. Утро — 9 ч. 25 м. Все небо подернуто серыми облаками, из которых изредка моросит дождик. Ветер — и довольно холодно. Расположение духа неважное: болит горло, комната не убрана, факельщик Борис¹ пролил под боком чернильницу — и я его выругал... Окна заперты, двери раскрыты: одна ведет в кабинет и спальню отца, другая в маленькую переднюю, где спит Эмилия...² Еще есть маленькая комната сестры³ — итого всех комнат 3½, высоких, чистых, оклеенных заново, обставленных прилично мебелью... Мы занимаем целый одноэтажный флигель. Окна выходят в поле... перед глазами торчат некрасивые белые здания, крытые соломой, — скотный двор и тому подобные... Иногда перед окнами гоняют на корде красивых заводских лошадей... Справа виднеется начало парка... В общем из окон вид неважный. Другая сторона флигеля обращена к дому, во двор, заросший яркой зеленью, перед входом во флигель куртина с кустами отцветшего жасмина, тут же деревянный диван, кресла и стол — место уже начавшихся утомительно длинных трехчасовых занятий Бориса, который, между прочим, только оттого тебе не пишет, что боится наделать ошибок, над которыми ты будешь смеяться. Дом, обитель самого Фета, 2-хэтажный, желтый, со стороны двора ничем не примечательный... На дворе расположены: кухня, здание соответствующее по виду и по своему местоположению относительно главного дома нашему флигелю, огром<ый> сарай и конюшня, очень чисто содержащаяся. Дом как бы соединен с кухней и флигелем (флигель слева от дома, кухня справа) двумя красивыми густыми, живыми — из дикого винограда — изгородями с калитками в сад... Между кухней и еще к<аким>-то зданием простая изгородь отделяет двор от парка, а между сараем и конюшней небольшая каменная стена с своеобразной калиткой, за которой возвышается опушка парка, густо заросшая кустами и крапивой... Конюшня соединена с флигелем стеной, в которой проделаны ворота с фонарями, стоящими на стене, по бокам, но никогда, как мне уже сообщили, вероятно в видах экономии, не зажигаемых... (показались клочки синего неба и выглянуло солнце — предвещает погоду... ветер шумит)... Кажется, я уж слишком подробно останавливаюсь на вещах далеко не интересных, прошу прощения и обещаю впредь быть кратче... До сих пор ты о характере местности не получил ни малейшего понятия. Скажу вкратце, что природа тут серьезная, деревья, в 18-тидесятилетнем густом парке, громадные, окраска в общем темно-зеленая, дорожки ярко-черные (чернозем), ничего нет веселенького, а всё, в особенности в дурную погоду, даже мрачно... Деревни, разбросанные окрест, бедные, серые, какие-то скучные... Избы некоторые заколочены: это хозяева их ушли искать счастья на Амуре, бросили всё, к чему привыкли, что давало верный кусок хлеба, прельщенные какими-то письмами и грамотами, высылаемыми будто бы официальным путем из каких-то контор и правлений <?>. На кухне тут есть мужик, с ним я еще не познакомился, который, говорят, тоже ходил — да с полдороги вернулся... Тут 2 с лишком недели

Воробьевка. Вид на р. Тускарь.
Фотография С. Д. Боткина из альбома «Воробьевка»

стояли дожди, испортившие зерно прекрасно взошедшего хлеба... Речка от дождей помутилась, повсюду еще в низких местах грязь, делающая дороги еще чернее. Когда мы ехали сюда со станции по дальней дороге, ибо кратчайшая, идущая низом, оказалась благодаря дождям, неудобопроезжаемой, то видал я одно поле, красиво блистающее на солнце лужами среди ярко-зеленой невысокой травы... И это поле было усеяно сотнями, если не тысячами белых гусей... Я никогда не видал такой массы этих пернатых, пасущихся вместе. И если хоть сейчас выйти за скотный двор и с возвышенного места оглядеться, непременно увидишь где-нибудь внизу у воды какое-нибудь гусиное стадо, сверкающее своей белизной на солнце... А солнце тут безобразно горячее... Небо в тучах, все серо и сыро... Но проскользнул луч света, пал тебе на голову — и ты уж спешишь укрыться в тень... А все-таки и это солнце не в силах скоро высушить ни тенистых дорожек парка, ни обратившихся местами в болото низменных заливных лугов... Третьего дня начался сенокос. Сегодня он мог бы быть уже кончен, если б не погода. Скошенную траву солнце превращает в сено — в несколько часов. Работает на сенокосе 97 человек... Я отклонился, после описания двора и флигеля следовало бы перейти к описанию собственно дома, сада и парка, что я и сделаю... Дом со стороны сада имеет большой, весь густо обросший виноградом балкон, с полом, крытым железными листами, сильно накаляющимися от солнца, под балконом — грот (с маленькой буквы); от грота круто и далеко вниз к речке спускает сад, красиво засаженный розами, и с замечательными, симметрично растущими великанами-деревьями, величину и красоту которых тебе даже

трудно представить; внизу у речки фонтан, с тонкой невысокой стружкой воды, к шуму которой любит, говорят, прислушиваться Вл. Соловьев, находя в этом особую прелесть... Вековые деревья, столь симметрично растущие, что нельзя сомневаться в том, <что> они были посажены, говорят о далеком историческом прошлом этого имени, которое, кажется, давно уже забылось, но о котором я все-таки постараюсь что-нибудь выведать.⁴ Великаны-деревья собой заслоняют прекрасный вид на широко раскинувшиеся нивы, поля и деревни, на речку, выющую серебряной лентой, на самое небо, по временам столь красивое, что и не мечтаешь о возможности передать это на полотно или на бумагу. <Напишем>: это, впрочем, мы видали из окна вагона, — яркий красный закат, над головой темное синее вечернее небо и перед глазами тучи, не закрывающие ни заката и нес скоро еще покроящие синее небо, так что и начало, и концы этих туч, разбросанных и на разном расстоянии от нас отстоящих, ясно видны... И вот из этих туч, чуть тронутых солнцем, льется дождь, и полосы этого дождя на ярком фоне заката видны прекрасно. Это туча, она повыше... и у ней дождь видно сильнее; падает косо и, должно быть, над той деревней, которая будто в тумане, тогда как соломенные крыши соседней еще блестят, горят, освещенные красным закатом, но уже мало-помалу тухнут... А там направо туча уже потемнела, полосы дождя еле видны, и скоро часть горизоннта охватывается мраком, который все ползет и ползет, пока не скроет всей этой дивной картины с глаз... Проехали немного дальше — и вот уж и над поездом заморосил дождь, окна мокрые, по ним все быстрее и быстрее скользят капли воды... <Станции> мокрые, совсем стемнело, но пассажиры еще спать не ложатся... скоро Тула, надо заpastись тульск<ими> пряниками, выпить чаю, а там и спать, завтра в 10 часов будем на месте... Опять отвлекся, прости... Теперь о парке и об его обывателях... Надо тебе напомнить, что тут в Курской губернии водораздел: одни речки впадают в другие — в притоки Днепра... Местность высокая, неровная... обрывы... И вот этих обрывов в парке, который, можно сказать, господствует над окружающей местностью, много, и они придают парку особую прелесть. Дорожка вьется круто над обрывом, внизу мрак, крапива... Кругом могучие дубы, ели, ясени, серебристые тополя, стволы которых еле обхватят 4 человека... и где сквозь эту чащу есть доступ солнечному лучу — а это более всего у дорожек, там на земле вместо крапивы — светло-зеленые листики земляники, клубники, там и цветы, но и тут не всегда благоухания... Птичий гам стоит тут почти во всякое время дня... Галки, вороны, цапли, в особенности последние, своими резкими, противными криками заглушают щебетание пташек и слабые посвистывания соловья, оставшегося на этот год без супруги и тщетно призывающего самочку, то и дело прерывающего свое пенье, прислушиваясь, не отзовется ли она ему, но давно все они уже разобраны и давно у них уж птенцы, и соловьи, более счастливые, бросили давно свое пенье, занятые важным делом кормления своих маленьких птичек... Замечательно красивы цапли, вытянув свои длинные ноги, широкими крыльями плавно рассекают воздух, или когда сидят в своих гнездах, свитых высоко на деревьях и часто вблизи дорожки, на которую, случается, из высоких гнезд льется скверно пахучая, белая жидкость, разбрызгивающаяся и по дорожке, и над сочной, красной, аппетитной земляникой и красивыми, пахучими цветами... По поднебесью парит коршун, вот ниже пролетает ворона — и тоже парит — и молчит, и я схватываю ружье, принимая ее за коршуна, но она криком выдает себя, я отплеываюсь и иду дальше... Антон, сторож фруктового сада,

Полонские в Воробьевке.

Слева направо сидят: М. П. Шеншина, Наталья Полонская, А. А. Шеншин.
Стоят: Борис и Я. П. Полонские, А. И. Иост, Александр и Ж. А. Полонские.
Фотография С. Д. Боткина. 1890 г. (ИРЛИ)

разыскал вчера ястребиное гнездо, полное ястребят, и вот сегодня или завтра надо будет подкараулить самого и покончить с ним. Ружье бьет прекрасно... с Петрова дня о коршунах можно будет и позабыть... Местами характер парка изменяется: деревья реже, трава светлее, с опушек его прекрасный вид на Коренную, на монастырь, стоящий по прямому пути на 8–9 верст, на речку, вьющуюся внизу, на поля, нивы и т. д. ... В парке находится оранжерея (созревают лимоны), фруктовый, большой сад, в другой части парка, оберегаемый 2-мя мужиками, живущими тут в соломенных шалашах, пчельник из 10 ульев, расплодившихся в 2 года из одного, найденного и посаженного здешним поваром, наконец в нижней части парка есть железистый ключ, сильно бьющий, огороженный и обложенный к чему-то кирпичами... от него вьется ручеек, дно которого местами окрашено оседающим железом в желто-красную краску... Ну, довольно... о прочем в след<ующем> письме. Скажу вкратце: с нами очень любезны и ласковы, кормят вволю, Фет смешит своими рассказами, иногда очень интересными, отец начал рисовать, написал стишину Фету, Фет пишет объяснения к своему переводу Марциала, который действительно требует объяснений, но не тех, которыми он снабжает его, мать думает лепить, сестра по 2–3 часа дует на рояли... Ожидаются гости... ждут Страхова и друг<их>... 2 дня гостил племянник Фета — Боткин³ — московский студент-юрист с перстнем на мизинце, красивый тонкий нос, прекрасно одет, и в полном цвете сил, характера спокойного. У меня с ним как-то не клеилось. Относительно твоей невыносимо дурацкой критики Толстого — до след<ующего> письма. Волоса растут туго... Поклон от Бориса...

Твой А. Полонский.

¹ Борис Яковлевич Полонский (1875–1923) — младший сын Я. П. Полонского. Готовился летом к осенним переэкзаменовкам в гимназии (см. публ. Н. Н. Фояковой).

² Эмилия Петровна Кеерт — экономка Полонских; эстонка, жившая в семье с 1888 по 1920 г.

³ Наталья Яковлевна Полонская (в замуж. Елачич; 1870–1929) — дочь Полонского.

⁴ Усадьба XVIII в. (в Щигровском уезде Курской губ.), носившая название Ртищевской Воробьевки по имени давнишнего владельца помещика Ртищева. Дом был выстроен во времена Екатерины II. Расположена на реке Тускари в 9 верстах от Коренной пустыни. По описанию Н. Н. Страхова, «деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоко. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большею частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной пустыни. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни» (см. биографический очерк Н. Н. Страхова в Полном собрании стихотворений А. А. Фета: СПб., 1912. Т. I. С. 7–8).

Подробное описание Воробьевки см. в публикации Н. Н. Фояковой. История приобретения Воробьевки и ее обустройства рассказана в мемуарах Фета: *МВ*. Ч. 2. С. 331, 334–338, 340–341.

⁵ *Сергей Дмитриевич Боткин* (1869–1945) — сын Дмитрия Петровича Боткина, собирателя картин, одного из владельцев и директоров правления торговой фирмы «П. К. Боткин и сыновья». Сделал несколько снимков Фета в Воробьевке, одного и в группах.